

Гаспарян Луиза Ареговна

Институт литературы им. М. Абегяна Национальной академии наук Республики Армения,
Армения, 0015, Ереван, ул. Г. Лусаворича, 15
luisa.gasparyan83@gmail.com

Полубояринова Лариса Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
l.poluboyarinova@spbu.ru

Специфика культурного трансфера в художественном переводе (на материале русских и армянских переводов британской литературной классики)

Для цитирования: Гаспарян Л. А., Полубояринова Л. Н. Специфика культурного трансфера в художественном переводе (на материале русских и армянских переводов британской литературной классики). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (3): 462–480. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.304>

В статье впервые предпринимается попытка проанализировать в сравнительном ключе ситуацию трансфера британской литературной классики в Россию и Армению в XIX–XX вв. на материале армянских и русских переводов романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста». Обозначается спектр вопросов, связанных с изучением специфики художественного перевода в свете парадигмы культурного трансфера. В качестве близко родственных парадигме культурного трансфера анализируется восходящая к В. Беньямину идея «перевода как насилия» и концепция переводческого «скопоса». Дается характеристика армянской национальной культуры как преимущественно ориентированной на культурный трансфер и феномен перевода. Очерчивается ситуация «встречного движения», благоприятствовавшая в Армении конца XIX в. активной рецепции наследия Диккенса как «классика», литературная репутация которого уже утвердилась в российском литературном поле, что способствовало «посреднической» роли русских переводов в Армении. Делается вывод о том, что как социокультурный контекст ранневикторианской Англии в его конкретике, так и показательная для британской литературы той поры топика в достаточной и почти равной мере чужды принимающему контексту России и Армении, артикулировавших собственный «коммуникативный запрос» на Диккенса и формировавших «репутационный фон» автора в существенно ином социокультурном и геополитическом узусе. В то же время действует фактор армянской национальной специфики, проявляющийся в том числе в повышении «градуса оптимизма» переводимых текстов — явления, для русских переводов менее показательного.

Ключевые слова: Чарльз Диккенс, культурный трансфер, «скопос», русский и армянский переводы.

Введение

Находясь геополитически непосредственно на границе Запада и Востока, «авангард Европы в Азии» [Брюсов 1963: 48], Армения традиционно характеризуется как перекресток культур. Серьезная, если не сказать доминирующая, составляющая армянской литературности связана с культурой перевода, и в этом ее сходство с ключевыми тенденциями русской литературной традиции. Последняя, как известно, также «замешана» на интенсивном усвоении переводных образцов западной словесности, ставших примерно к середине XIX в. основой для выработки собственного литературного канона. Две «переводные» в своей ориентации литературные культуры — русская и армянская — сходятся и многократно амальгамируются, начиная с первой трети XIX в. (после присоединения Восточной Армении к Российской империи). Одним из эффектов данной встречи культур становится посредничество русских переводов в трансфере западной литературной классики в Армению.

Целью исследования выступает выявление ситуации культурного трансфера на уровне армяно-русско-британского треугольника, как он сложился после начала XIX в., на материале армянских и русских переводов романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

Данная цель определяет конкретные задачи статьи, а именно:

- обозначить спектр вопросов, связанных с изучением специфики художественного перевода в свете парадигмы культурного трансфера;
- описать специфику армяно-русско-британского «плавильного котла культуры», принимая во внимание феномены встречного движения, коммуникативного запроса и репутационного фона;
- проанализировать на конкретных примерах из романа «Приключения Оливера Твиста» главные векторы и акценты процесса культурного трансфера британской классики через Россию в Армению.

В качестве методологической основы исследования, кроме теории и методологии культурного трансфера, выступают традиционные для сравнительного литературоведения методики сопоставительного, текстологического и контекстуального анализа, метод обратного перевода.

Сами по себе переводы британской классики, в частности Диккенса, как на русский, так и на армянский языки уже неоднократно становились объектом изучения [Катарский 1962; 1966; Левин 1966; Костионова 2014; 2015; Кононова 2018; Морозова, Жаткин 2018; Долотова 2022; Партамян 1975; Егиазарян 1977], однако они до сих пор не подвергались тройственному анализу по линии культурного передаточного механизма из Великобритании через Россию в Армению. В статье предлагается анализ данного механизма в свете методологии культурного трансфера.

Последняя предполагает видеть в переводе «результат интерпретационного “преломления” текста в системе ценностей и отношений принимающей культуры и в то же время... средство формирования этой культуры (а именно — бытующих в ней представлений о зарубежных авторах, эстетических и других ценностей, норм, допустимого в переводе и в литературе вообще и т. д.)» [Костионова 2015: 8]. Сама постановка проблемы и применение вышеозначенной методологии к изуча-

емому материалу определяет новизну настоящего исследования. Его актуальность связана с обострившимся в последнее время интересом к переводу как феномену мировой литературы и ведущей парадигме cultural studies (т. н. translational turn) [Бахман-Медик 2017].

Теоретический контекст и методология

Теория и методология «культурного трансфера», предложенная французским компаративистом М. Эспанем, зародились в 1980-х гг. в контексте анализа франко-немецких литературных связей. Вскоре эффективность и растущая популярность метода привели к его применению в других, в том числе междисциплинарных исследованиях, в частности в социологии литературы, сравнительной истории искусства и науки, культурологии. В концепции Эспаня «культурный трансфер» понимается как сам феномен перехода культурной единицы с одной пространственно-временной платформы на другую. Квинтэссенция данного феномена собственно и есть процесс перехода — переосмысления или декодирования — данной единицы, переносимой из одного национально и лингвистически обусловленного контекста в другой. Отдельно у Эспаня подчеркивается вклад переводчиков в феномен «культурного трансфера», в частности если речь идет о переводе мировой литературы как процессе перманентного обмена внутри мировой культуры. Говоря о «культурных трансферах», Эспань подчеркивает важность исторически определяемых медиаций (посредничеств), в особенности переводческой деятельности, которые циркулируют между культурами. «Культурный трансфер» представляет процесс «экспорта-импорта», а методика его изучения фокусируется на элементах культуры, экспортируемых в чужое пространство, с особым акцентом на самой специфике процесса усвоения, которая подвергается всестороннему анализу. Одна из аксиом исследования трансфера состоит в том, что перевод так же легитимен, как и оригинал, а концепция «подлинности», не будучи константой, есть нечто подлежащее постоянному воссозданию [Эспань 2018: 736–739].

Как неоднократно подчеркивал Эспань, в контексте парадигмы культурного трансфера акцент переносится на принимающую (переводящую) культуру. Соответствия данному подходу находим в переводческой теории и практике, начиная со знаменитого крылатого выражения св. Иеронима (*non verbum de verbo, sed sensum de sensu exprimere*) и установки Мартина Лютера-переводчика Библии («Послание о переводе», 1530) на привлечение «народных» идиом целевого языка для передачи новозаветных метафор. Яркий пример подобной установки из контекста нашего исследования — интенция одного из виднейших переводчиков Диккенса на русский язык Иринарха Введенского, сформулированная в 1851 г.:

Перенесите этого писателя под то небо, под которым вы дышите, и в то общество, среди которого развиваетесь, перенесите и предложите себе вопрос: какую бы форму он сообщил своим идеям, если б жил и действовал при одинаковых с вами обстоятельствах? (Отечественные записки. 1851, т. 78: 70 (цит по: [Кононова 2018: 77])).

Возможность и легитимность выдвижения в центр внимания целевой культуры как таковой и самого текста перевода возможно усмотреть в практической установке Н. М. Любимова на воссоздание «культурно-языковой атмосферы» целе-

вого литературного контекста (Чехов как «точка опоры» при переводе Мопассана) [Любимов 1977: 42], в идее «двух систем культурологического правдоподобия» Ю. А. Сорокина [Сорокин 1989], в рассуждениях переводоведа А. Поповича об «амбивалентной взаимосвязи К<культуры>1 и К<культуры>2» [Попович 1980: 130–131].

Интегрирована в контекст культурного трансфера может быть и недавняя работа С. Л. Фокина «Перевод как проблема сравнительного литературоведения и сравнительной антропологии», в которой автор анализирует переводческие концепции А. В. Федорова, В. Бенъямина и Х. Ортеги-и-Гассета. Фокин вслед за Бенъямином интерпретирует переводческую деятельность как «насилие» языка «принимающей» культуры над оригиналом. Одновременно, опираясь на сравнительно-проекционный и сравнительно-функциональный подходы классика переводоведения Федорова, автор статьи отмечает, во-первых, что эквивалентность или точность перевода имеют относительный статус, в связи с чем текст перевода получает «автономность», поскольку оригинал — абсолютный и однородный артефакт литературы, в то время как текст перевода — многогранная, многоликая единица, и в мировой литературе в потенциале могут быть представлены тысячи переводческих вариантов оригинала. Во-вторых, по Федорову/Фокину, текст является антропоцентрическим феноменом, с тремя ролевыми характерами «автор-переводчик-читатель». При этом у переводчика двойная роль: с одной стороны, он носитель своей культуры, а с другой стороны — ретранслятор культуры оригинала. Именно в переводоведческих трудах Федорова прокламируются эмансипация текста перевода от буквально понимаемой «близости к оригиналу», когда подчеркивается, что переводчик может или пользоваться «аналогами на своей языковой почве», или создать «чужую, необычную словесную форму» [Фокин 2021: 300–301].

Таким образом, изучая работы Федорова и Бенъямина, определяющие перевод в терминах «борьбы», «победы», «компромисса» и «насилия», Фокин приходит к концепции перевода как «организованного насилия» над материей языка [Фокин 2021: 303]. Исходя из изложенного, можно констатировать, что текст оригинала есть система закрытого характера с текстовыми категориями: информативность с многогранным стилистическим, культурологическим пластом; системность; завершенность и т. д. Несомненно, переводчик «дефрагментирует», «расшифровывает», «декодирует» закрытую систему с целью максимально передать «намерение» (intention) текста, лингвостилистические и культурологические нюансы и окраски. Тем не менее в тексте перевода всегда чувствуется некая «отчужденность» как знак выдержанной «борьбы» и пережитого «насилия» [Фокин 2021: 304–308]. Данный неизменно ощущаемый на читательском уровне травматичный синдром любого (в особенности — художественного) переводного текста свидетельствует, с одной стороны, о принципиальной непереводаемости (ср. знаменитую апорию Бенъямина и Ж. Дерриды относительно того, что перевод одновременно неизбежен и невозможен). В то же время в свете парадигмы культурного трансфера следы переводческого «насилия» нередко оборачиваются приращением и обогащением целевой литературной культуры, которая посредством перевода артикулирует себя саму.

Кроме акцента на важности текста перевода как самостоятельного литературного артефакта установка культурного трансфера практикует отказ от высокополобого выбраковывания несовершенных переводов — позиция, показательная для многих ведущих фигур теории и практики перевода, таких как К. И. Чуковский,

И. А. Кашкин, Ю. И. Левин. Подход с точки зрения культурного трансфера предполагает рассмотрение любых переводов, если они стали фактом культурного контекста, на равных правах с классическими и образцовыми. В данной связи созвучной теории Эспаня оказывается переводоведческая концепция «скопоса», предполагающая выдвигание на первый план такой теоретико-переводческой универсалии, как адекватность, понимаемой как «соответствие переведенного текста цели перевода» [Алексеева 2004: 127], при одновременной редукции другой универсалии — эквивалентности. Данную концепцию ученица Федорова И. С. Алексеева считает нацеленной «на объяснение... тех парадоксальных на первый взгляд результатов перевода, которые не укладывались ни в одну из концепций и тем не менее существовали и запрашивались обществом (например, перевод-пересказ для детей или стихотворный перевод Нового Завета)». Далее у Алексеевой читаем:

Основой концепции является понятие «скопос» — греч. «цель». Поскольку перевод — это практическая деятельность, то он осуществляется для определенной цели. Если цель перевода выполнена, значит, переводческую деятельность в данном случае можно признать успешной. Если цель не выполнена, то никакая из прежних концепций эквивалентности не исправит неудачи. <...> Целью перевода может быть не только полноценная передача содержания подлинника, но и дезориентация реципиента, введение в заблуждение, задача понравиться реципиенту, внедрить посредством перевода чуждую оригиналу политическую идею и т. п. При этом свои цели может преследовать как переводчик, так и заказчик. Создается сложный конгломерат целей, который может привести к полному изменению всех видов содержания текста при переводе [Алексеева 2004: 146].

Практическим воплощением анализа переводов с точки зрения культурного трансфера или «культурологического переводоведения» [Воробьев, Злобин 2003; Бахман-Медик 2017], выступают, например, работы М. В. Костионовой, в которых последовательно проводится мысль о переводе «как деятельности культурно-обусловленной и в то же время “конструирующей” культуру, т. е. формирующей ценности, убеждения и представления ее носителей», как «средстве конструирования национальной идентичности, способе навязывания определенных ценностей или иерархий, а также средстве формирования представлений о зарубежных авторах» [Костионова 2015: 4].

Таким образом, выбрав в качестве материала изучения русские и армянские переводы Диккенса, мы лишь в конкретном анализе и интерпретации текстовых примеров оперируем переводоведческой терминологией, однако в методологии исследования ориентируемся в большей мере на предполагаемый культурным трансфером литературоведческий компаративистский анализ, социологию литературы и т. н. «культурологическое переводоведение».

Тенденции «культурного трансфера» в Армении

Статус «перекрестка культур» закрепился за Арменией в силу специфики ее геополитического положения и национальной истории. Соприкасаясь на протяжении веков со многими культурами и испытав влияние некоторых из них, армянский этнос сохраняет собственные культурные истоки и основания. В путевых за-

метках дипломатов, миссионеров, ученых и торговцев, в разное время посещавших Армению, неизменно акцентируется армянское культурно-историческое и религиозное наследие как результат и медиум культурного обмена. Одновременно и сам мобильный в обширном евразийском пространстве армянский этнос, как отмечает Г. Карагезян в монографии «Роль армян в трансмиссии культур», выступает носителем функции культурного обмена между восточной и западной цивилизациями: армяне являются и реципиентом, и экспедиентом информации. Карагезян приводит мнение французского исследователя Жана Турнияка, который подчеркивает, что Армения в Средневековье обеспечивала «*osmos*» — взаимопроникновение между Востоком и Западом, «армянский же этнос служил каналом», связывающим эти два мира [Карагезян 2010: 13–14].

Роль гаранта и канала трансфера на оси «Запад — Восток» выпала армянской культуре во многом благодаря высокому статусу перевода. Переводческая деятельность традиционно имела в Армении метафизическое и экзистенциальное значение, неслучайно армянский перевод Священного писания закладывает одновременно основы национальной христианской культуры и национального литературного языка. Множественные векторы переводческого культурного трансфера наблюдаем еще в V в., когда армянский католикос Саак Партев, создатель армянского алфавита Месроп Маштоц и его ученики вместе редактируют армянский перевод Библии, изначально сделанный с ассирийского, последовательно сопоставляя его с греческим образцом — Септуагинтой. В результате возникает канонический для Армянской церкви перевод — текст Священного писания [Тер-Мовсесян 1902].

Факт рождения армянского литературного языка и самого типа армянской литературности из перекрестного процесса переводческих усилий на уровне армяно-ассирийско-греческого треугольника возводит перевод в статус одной из национальных культурных констант Армении и предопределяет сам тип последующих литературных трансферов, неизменно активизировавшихся на переломных, этапных отрезках национальной истории.

Одним из таких отрезков становится присоединение Восточной Армении к Российской империи, знаменовавшее множественные культурные сдвиги. Последние сопровождаются как интенсификацией процессов культурной саморефлексии и переоценки ценностей, так и консолидацией и модернизацией национальной словесности. Важную роль в данном процессе играет знаменитый Лазаревский институт, основанный в Москве в 1815 г., который вскоре становится видным научно-исследовательским центром. Обучение представителей армянской культурной элиты в данном учебном заведении, как и в ведущих университетах Российской империи, запускает процесс продуктивного усвоения будущими армянскими писателями и переводчиками не только фона классической русской литературы, но и представления о каноне мировой литературы, бытовавшего в XIX в. в России. Как свидетельствуют воспоминания, переписка и эссе восточноармянских литераторов XIX — начала XX в., западная литературная классика осваивается в Армении преимущественно через русские переводы. Таким образом, литературный трансфер на линии Россия — Армения реализуется как в двухчастном (рецепция русской литературы в Армении), так и в трехчастном варианте: рецепция в Армении западной, в частности британской, классики через посредство российского канона западной литературы и русскоязычных ее переводов.

Показательным примером продуктивного участия в обоих обозначенных типах трансфера выступает выдающийся классик армянской литературы («всеармянский поэт», как его называли) и переводчик Ованес Туманян (1869–1923). Именно ему принадлежит метафорическое уподобление перевода розе за стеклом: читатель видит красоту розы, но не чувствует ее запаха. С одной стороны, Туманян испытывает на себе как писателе влияние русской литературы, которое считает благотворным для формирования и развития нового армянского литературного письма. Прекрасно владея русским языком, Туманян-переводчик обогащает национальный литературный контекст блестящими переводами произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого и др. [Сафразбекян 1976]. Однако этого мало. Одновременно — и это второй тип трансфера — Туманян осваивает в российском и транслирует в армянский литературный контекст произведения мировых классиков, выступая, в частности, переводчиком на армянский Д. Г. Байрона и И. В. Гёте. Примечательно то обстоятельство, что, прорабатывая методологию художественного перевода для работы с переводными текстами языка-посредника, Туманян обращается к известному восьмитомному изданию «Шекспир в переводе и объяснении А. Л. Соколовского» (1894–1898), в котором его интересовали как обширные текстологические комментарии, так и сама переводческая стратегия — недаром он сравнивает переводы Соколовского с имевшимися на тот момент армянскими переводами Шекспира [Сафразбекян 1976: 174].

Интересующие нас в рамках данного исследования армянские переводы британской литературной классики (подчас сокращенные варианты произведений или отрывки из них) и рецензии на таковые нередко выходят в периодических изданиях, традиция которых была особенно сильна в диаспоре, в частности в Мадрасе, Калькутте, Венеции (Конгрегация Мхитаристов), Астрахани, Москве, Тифлисе и т. д. Почва для подобных публикаций была подготовлена первым армянским периодическим изданием в Мадрасе «Аздарар» (1794–1796). В этом журнале кроме торговых, экономических и политических известий традиционно публиковались художественные произведения, переводы, литературно-критические и исторические труды. В контексте армянской диаспоры в Тифлисе издаются журналы «Мегу Айастан» (1858–1886) и «Горизонт» (1909–1918). В Астрахани выходит армяноязычная газета «Молва» (1858–1862/64). В 1872 г. известный литератор Г. Арцруни (1845–1892) начинает издавать в Тифлисе на армянском языке газету «Мшак» («Работник»), выступив одновременно ее главным редактором [История армянской диаспоры]. Примечательной чертой армянских переводов, публиковавшихся в периодике, были нередко печатавшиеся в этих же изданиях метатексты: комментарии, критические разборы, интерпретации текстов [Партамян 1975: 15–17], особенно важные для анализа ситуации культурного трансфера, поскольку они отражают внутренние потребности национального культурного поля, сами параметры и основания «встречного движения» (А. Н. Веселовский) армянского культурного поля по отношению к рецепции мировой классики.

Диккенс в России и Армении

Первые армянские переводы Диккенса появляются в 1880–1890-е гг., причем именно в последнее десятилетие XIX в. выходит почти половина имеющихся пере-

водов Диккенса на армянский. Это были в подавляющем большинстве переводы с русского как языка посредника, издававшиеся, в частности, в армянской Шуше (1891), Тбилиси (1896–1897), Александрополе (1894), Каире (1892), Баку (1898) и в ряде других городов, в которых имелись армянская диаспора и армянские образовательные центры¹.

Данное явление примечательно, особенно если иметь в виду то обстоятельство, что в России именно к 1890-м гг. завершается «процесс классикализации и канонизации английского романиста» [Костионова 2015: 17], которому предшествуют два других этапа освоения диккенсовского творчества: подача Диккенса как «модного беллетриста», пишущего для широкой публики, в переводах 1830–1840-х гг. и восприятие его в качестве серьезного литературного ориентира в создании национального реалистического романа в русле «натуральной школы» (особенно в переводах Введенского).

Сочетание высокого статуса Диккенса с ослаблением актуальности, дискуссионности его творчества в настоящем и сложившейся в 1850-е годы ролью Диккенса как «учителя» нравственности и литературного мастерства приводит к формированию новой литературной репутации романиста — его превращения в классика [Костионова 2015: 18].

Знаком «классикализации» выступает, с одной стороны, выход собраний сочинений Диккенса с полными переводами его текстов, выполненными на более высоком филологическом уровне, нежели это было в предшествующие периоды [Катарский 1962; 1966], и, с другой стороны, включение отдельных его произведений в «книжные серии мировой классики, адресованные юношеству и малоподготовленному читателю» [Костионова 2015: 18].

Именно эту парадигму — литературную репутацию Диккенса как мирового классика — усваивают армянские переводчики и издатели 1890-х гг., трансформируя таким образом имеющийся уже в России репутационный фон Диккенса в Армению. В 1912 г. армянская местная пресса и периодика диаспоры откликаются на 100-летие со дня рождения Диккенса публикациями, в которых английский автор

¹ Перечисляем в хронологическом порядке все обнаруженные в результате библиографического поиска армяноязычные издания Диккенса (учтены лишь отдельные публикации): Невестка и свекровь, рассказ, перевод Н. Тер-Маркосянца, Тифлис, тип. Т. Назарянц, 1882; Смерть пьяницы, рассказ, Тифлис, тип. Г. Юсуфяна, 1885; Смерть пьяницы, рассказ, Тифлис, тип. А. Михелсона, 1886; Рождественские песни, перевод М. Т. Д., Шуша, тип. Магтеси-Акобянц, 1891; Пересказ из романа «Мартин Чезлвит» для юных читателей, Тифлис, тип. М. Шарадзе, 1892; Смайк, рассказ, перевод Л. Галемкеарян, Каир, тип. Саак-Месроп, 1892; Оливер Твист, пересказ с русского перевода Шелгуновой, Александрополь, тип. Геворг С. Саноянц, 1894; Рассказы, перевод с русского А. Едигарянц, Тифлис, тип. М. Варданянц, 1896; Дэвид Копперфилд (для подростков), перевод П. П. Тифлис, тип. М. Мартиросяна, 1897; Скряга Скрудж, пересказ с английского Н. Чигианян, Тифлис, тип. А. Мелик-Шагназарян, 1897; Дэвид Копперфилд, перевод с английского П. Варданян, Баку, тип. Арор, 1898; Посмертные записки Пиквикского клуба), перевод С. Т. М., Тифлис, тип. М. Санадзе, 1899; Рождественская песня, перевод с английского М. Тер-Андреасянц, тип. А. Т., 1904; Дэвид Копперфилд, перевод П. Варданян, Тифлис, тип. Н. Аганянц, 1912; Рождественская песня, Сделка с призраком, перевод Н. К. Гонтаян, Константинополь, тип. Американский порт, 1928; Повесть о двух городах (отрывки), перевод Джавахкеци, Ереван, Петграт, 1935; Посмертные записки Пиквикского клуба, Ереван, Айпетграт, 1948; Приключения Оливера Твиста, перевод А. Базаряна, Ереван, 1958; Большие надежды, перевод с английского, В. Партамяна, Ереван, Советский автор, 1983; Рождественская песня, перевод Т. Самувеляна и А. Асрияна, Ереван, тип. Товма Самувелян, 1999.

сравнивается с признанными мэтрами мировой литературы. «Сэкономив» для собственного литературного поля процесс адаптации и «вживления» Диккенса в национальную литературную материю, армянский узус усваивает английского писателя через русский контекст-посредник как уже «готового» классика.

Неслучайно поэтому в армянской литературной критике прослеживаются отсылки именно к тем качествам Диккенса-писателя, которые ценились серьезной русской литературной критикой периода «натуральной школы», в частности В. Г. Белинским. Ср.: «Диккенс своими романами сильно способствовал в Англии улучшению учебных заведений... Что ж тут дурного, спросим мы, если Диккенс в этом случае действовал как поэт? Разве от этого романы его хуже в эстетическом отношении?» [Белинский 2017: 391]. В армянских рецензиях на Диккенса в качестве ценных похожим образом акцентируются черты прозы английского классика, свидетельствующие о присутствии в ней элементов социальной критики, референциальности и социальной типизации, однако с обязательным условием сохранения высокого эстетического качества («действует как поэт»). Эстетика Диккенса воспринимается в армянской критике, как и в русской, главным образом сквозь призму широко понимаемых юмора и сатиры. В частности, в периодическом издании «Мурч» («Молоток») диккенсовский юмор связывается с подробной характеристикой внешних черт персонажей: Диккенс заставляет любить или ненавидеть своих персонажей². В журнале «Горизонт» юмор и сатира Диккенса превозносятся как не имеющая себе равных спонтанная и свободная субстанция исправления человеческих недостатков³.

«Мостиком», трансферировавшим российское понимание Диккенса в Армению, т. е. классическим образчиком фигуры медиатора-посредника, по Эспаню, стал армянский публицист и литературный критик Григор Арцруни (1845–1892). Потомок старинного армянского рода, уроженец Тифлиса, выпускник Московского и Петербургского университетов, он учился также в Гейдельберге. По возвращении в Тифлис Арцруни, владевший, кроме армянского и русского, также несколькими древними и новыми европейскими языками, занимается активной журналистской деятельностью в армяноязычном и русскоязычном пространствах. Издатель газет «Мегу Айастан» («Пчела Армении»), «Айкаган Ашхар» («Армянский мир»), «Мшак» («Работник»), он печатет статьи также в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Биржевых ведомостях», «Русском мире», «Русском курьере», «Journal d'Orient», в «Тифлисском вестнике»⁴. Арцруни высоко ценит переводческую деятельность, которая в его глазах выступает ключом к подъему национальной литературы. В восприятии Диккенса Арцруни мы можем усмотреть влияние российской революционно-демократической критики образца Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, в частности когда читаем у армянского критика о чуждости Диккенсу концепции «искусства для искусства». По Арцруни, художественное слово для Диккенса — средство, способствующее трансформации и изменению социума к добру и процветанию [Арцруни 1904: 97].

² Журнал «Мурч» («Մըրժ»). 1897, (12): 1640.

³ Журнал «Горизонт» («Հորիզոն»). 1912, (28): 2–3.

⁴ Григор Арцруни: создатель газеты «Мшак» преодолел патриархальные стереотипы армян. *Армянский музей Москвы и культуры наций*. 20.12.2019. <https://www.armmuseum.ru/news-blog/msak-publishinggrigorartuni> (дата обращения: 15.01.2022).

Канонизация английского автора в авторитетном российском культурном поле была, по-видимому, важным импульсом к активизации переводческого и издательского интереса к Диккенсу в Армении. Тем не менее внимательный взгляд на выбор переводимых текстов заставляет признать ориентацию и на собственный национальный контекст: наряду с романным рядом, введенным в серьезный читательский оборот в России во многом благодаря журналу «Отечественные записки» (в котором вышли «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Жизнь Дэвида Копперфильда», «Оливер Твист», «Николас Никльби», «Мартин Чезлвит» [Катарский 1962]), армянские переводчики проявляют немалый и даже преимущественный интерес к повести «Рождественская песнь в прозе: святочный рассказ с привидениями» (1843), привлечшей внимание русских переводчиков лишь с заметным опозданием (в 1886 г.). Возможно, в данном предпочтении сказывается преимущественная значимость Рождества для Армянской апостольской церкви — в отличие от Русской православной церкви, ставящей на первое место Пасху. Из романного творчества Диккенса предпочтение в Армении также отдается наиболее «светлым» по пафосу произведениям, написанным до 1850 г. В поле зрения армянских переводчиков и издателей не попадают, например, переведенные и активно обсуждавшиеся в России амбивалентные по исходу сюжета романы «Домби и сын», «Крошка Доррит», «Холодный дом».

Армянским контекстом был с очевидностью в большей мере востребован светлый пафос и оптимизм Диккенса, что отмечает, например, армянский литературный критик начала XX в. А. Айказян. Проводя параллели между Э. Золя и Ч. Диккенсом, он подчеркивает, что Золя смотрит на низшую сторону жизни с отчаянием, тогда как Диккенс пытается отразить в том числе и жизненные невзгоды с неизменным оптимизмом⁵. Ему вторит Е. Меликян в статье о юморе Диккенса, опубликованной в венецианском журнале «Базмавеп», издававшемся аббатами Мхитарянской конгрегаций в Венеции (об этом издании см.: [Арутюнян 2016]). Критик отмечает остро прочувствованную Диккенсом ситуацию человеческого страдания, противовесом которой становится у английского автора «веселая и счастливая литература»⁶. Советский исследователь В. Партамян, высказываясь в сходном ключе, интерпретирует избирательность армянской рецепции Диккенса, объясняя тяготение армянского читателя к счастливым концам и оптимизму преизбытком трагических событий в национальной истории [Партамян 1975: 250–255].

«Культурный трансфер» в переводах романа Диккенса «Оливер Твист»

Первый армянский краткий пересказ «Оливера Твиста» с иллюстрациями был сделан с сокращенного русского перевода Л. П. Шелгуновой, вышедшего в 1890 г., который, в свою очередь, опирается на полный перевод М. К. Цебриковой 1874 г. [Катарский 1962; Долотова 2022]. Армянский перевод выходит в Александрополе (ныне Гюмри) анонимно, переводчик обозначен армянской буквой *Մ* (рус. С). На обложке издания напечатана фраза: «Дозволено цензурою, Тифлисъ,

⁵ Газета «Армянская литература» («Հայ գրականություն»). 1912, (9): 27.

⁶ Газета «Базмавеп» («Բազմաբեպ»). 1912, (4): 176.

28 Марта, 1894 года», которая свидетельствует о том, что книга либо была предназначена для детей (что наиболее вероятно, учитывая иллюстрации), либо предполагала некоторые цензурные ограничения в плане содержания.

Второй перевод, который до сих пор считается лучшим, каноническим вариантом, был сделан с оригинала Артой Базаряном в 1958 г. в Советской Армении и с тех пор неоднократно переиздавался. К сожалению, на настоящий момент нет даже скудной информации о биографии и переводческой деятельности Базаряна, что выступает отражением типичной ситуации в текстологии, компаративистике и переводоведении, когда значимость переводческой деятельности редуцируется в пользу автора оригинала и в угоду диктату эквивалентности перевода. Тем значимей представляется парадигма культурного трансфера, перемещающая фокус на целевую культуру, фигуру переводчика и сам текст перевода.

Ниже мы представим сопоставительный анализ двух отрывков из романа «Приключения Оливера Твиста, имея в виду сравнение оригинала романа с русским и армянским переводами в свете методологии культурного трансфера. В качестве материала с армянской стороны выступает упомянутый выше перевод Базаряна. Из 18 имеющихся русских переводов «Оливера Твиста» мы решили остановиться на переводе А. В. Кривцовой (1896–1958), также считающемся каноническим для издания романа в России после 1945 г. Перевод выполнен в 1937 г. (предположительно, при участии супруга переводчицы Е. Л. Ланна), однако его печатная версия, принятая за образец при переизданиях, относится к 1953 г. [Катарский 1962; Долотова 2022]. По-видимому, перевод Базаряна, вышедший пятью годами позже, был отчасти ориентирован на перевод Кривцовой, что подтверждается результатами сопоставления двух текстов.

Методологическим посылом для сопоставительного анализа выступает для нас известная характеристика В. Г. Белинского, в соответствии с которой «достоинство его (романа «Приключения Оливера Твиста», — Л. Г., Л. П.) в верности действительности, иногда возмущающей душу, но всегда проникнутой энергией и юмором» [Белинский 1842: 47]. «Верность действительности» — традиционный комплимент Диккенсу, звучавший уже в первых откликах на его роман в Великобритании [Davis 2007: 278] и показательный, как мы видели выше, как для русской, так и для армянской литературной критики. Тем не менее очевидно, что читатель перевода «считывает» в тексте действительность иного рода, нежели читатель оригинала. Последний воспринимает внутренний имплицитный контекст произведения, его атмосферу и дух, чувствует подтекст на основе когнитивно-фоновых знаний, которые стимулируют понимание, влияя на одни и те же когнитивные нейроны. Для читателя перевода спектр денотативно-коннотативных представлений о явленной в произведении «действительности» конструируется и программируется переводчиком. Ср. схему бытования художественного произведения, предложенную Д. А. Леонтьевым: «жизнь — писатель — произведение — читатель/переводчик — жизнь» [Леонтьев 2003: 422, 423]. Если следовать предположению ученого, переводчик «извлекает» из оригинала в процессе перевода не только эстетическую интенцию автора, но и представленную в тексте «жизненную» субстанцию, транспонируя ее в перевод. Однако в итоге неизбежно создается иная, адаптированная к целевому контексту «жизнь». Рассмотрим данную «разницу» на примере социально-исторического контекста романа «Приключения Оливера Твиста».

На родине автора «действительность», репрезентированная в произведении, обладала (и продолжает обладать, судя по исследованию У. Лонга, изучившего частотность цитирования «Оливера Твиста» в британской прессе, в том числе и современной [Long 2019: 154]) совершенно конкретным исторически релевантным социально-юридическим наполнением. Идея написания романа о бедном сироте Оливере Твисте приходит к автору после выхода в 1834 г. знаменитого спорного «закона о бедных» (New Poor Law), который инициировал распространение в Великобритании работных домов (workhouse) — наполовину пенитенциарных учреждений, ставших притчей во языцех по причине лицемерного и жестокого обращения надзирателей с обитателями. Как относительно недавно выяснила Р. Ричардсон, один из «образцовых» работных домов Лондона Ковент-Гарден находился в непосредственной близости от квартиры на Кливлендстрит, в которой автор романа жил в 1830-х гг., выступив таким образом непосредственным прототипом изображенного в романе учреждения для бедных [Richardson 2012]. Именно в этом считавшемся образцовым работном доме была строго запрещена добавка за обедом, что породило одну из самых знаменитых сцен романа, когда высказанная Оливером просьба о добавке вызывает праведный гнев надзирателя и бидла [Richardson 2015]. (В плане культурного трансфера интересно сопоставление нескольких русских переводческих версий данной сцены (см.: [Долотова 2022]).)

Относясь к разряду экстралингвистических реалий, английские «закон о бедных» и работный дом при перенесении в другой контекст попадают в разряд экзотизмов, смысл которых «может быть всегда передан описательным способом или усвоен как новая лексема. Но только тогда, когда появится коммуникативный запрос, проявится интерес к этим явлениям со стороны других культур» [Алексеева 2004: 134]. В дальнейшем мы попытаемся проследить конкретный переводческий результат, возникающий как эффект «коммуникативного запроса» на диккенсовский текст со стороны русской и, позже, армянской культуры.

Первый пример взят из иронического пассажа, выражающего отношение повествователя к работному дому:

The members of this board were very sage, deep, philosophical men; and when came to turn their attention **to the workhouse**, they found out at once, what ordinary folks would never have discovered — the poor people liked it! It was a regular place of public entertainment for the poorer classes; a tavern where there was nothing to pay; a public breakfast, dinner, tea, and supper all the year round; **a brick and mortar elysium**, where it was all play and no work [Dickens 1866] (здесь и далее выделено нами. — Л. Г., Л. П.).

Члены этого совета были очень мудрыми, проницательными философами, и, когда они, наконец, обратили внимание **на работный дом**, они тотчас подметили то, чего никогда бы не обнаружили простые смертные, а именно: бедняки любили работный дом! Это было поистине место общественного увеселения для бедных классов; харчевня, где не нужно платить; даровой завтрак, обед, чай и ужин круглый год; **рай из кирпича и известки**, где все игра и никакой работы! [Диккенс 1958а: 21].

Հանձնաժողովի անդամները շատ զիտուն, խորթափանց, փիլիսոփա մարդիկ էին, եւ երբ նրանց ուշադրությունը դարձրին **աղքատանցի** վրա, նրանք բացահայտեցին այնպիսի իրողություններ, որ հասարակ մահկանացուները չէին կարող հայտնաբերել: Այսպէս, նրանք հայտնաբերեցին, թէ աղքատները սիրում են աղքատանցը, քանի որ դա նրանց համար հասարակաց մի զբոսավայր էր, մի պանդոկ, որտեղ նրանք տարին

ըրրը ձրիարար ստանում էին նախանշաշ, ճաշ եւ ընթրիք: Դա մի **դրախտավայր** էր, ուր ամեն ինչ խաղ ու պար էր, ամանց աշխատանքի հոգի: [Диккенс 19586].

В анализе мы сосредоточимся на переводе двух выражений: *the workhouse* и *a brick and mortar elysium*.

Кривцова — представитель точного, почти «буквалистского» стиля перевода, истоки которого — в переводческой практике круга издательства «Всемирная литература», основанного М. Горьким в 1918 г. Подчас излишняя, несколько абстрактная точность и слишком частое, не всегда оправданное использование поясняющих сносок сделали ее (и ее переводческого соавтора Ланна) объектом критики, например К. И. Чуковского [Чуковский 2015: 52] и И. А. Кашкина [Кашкин 1977: 385]. Данный, скорее академический, нежели «жизненный», прием использован и в нашем случае: понятие «рабочий дом» исчерпывающе объяснено в сноске: «Рабочий дом — дом призрения (приют) для бедняков в Англии. Нарисованная Диккенсом в романе картина реалистически воспроизводит организацию и порядки английских рабочих домов с их тюремным режимом» [Диккенс 1958а: 21]. Как представляется, переводчик в данном случае, возможно, слишком поспешно и не до конца оправданно прибегнул к сноске, не предприняв попытки задействовать когнитивно-фоновые знания русского читателя, поскольку рабочие дома (рабочие дома, смиренные дома, дома трудолюбия) — реалия, начиная с XVIII в., показательная в том числе и для России, пусть они и не были распространены в той мере, как в Великобритании второй половины 1830-х гг. [Бада 2008].

В Армении не было традиции рабочих домов, в силу чего Базарян прибегает к варианту обобщенного, глобального перевода. Армянское *սրբաշինիւն* ‘приют для нищих, дом призрения’ [Армянско-русский словарь: 18] — «учреждение, где принимают бедных и заботятся о них», т. е. данное выражение, если прибегнуть к способу обратного перевода, скорее соответствует английскому *poorhouse* или русскому *дом призрения*. В данном переводе снимается важная для оригинала сема пенитенциарности, поскольку *workhouse* направлен на изоляцию и/или принуждение/стимуляцию к труду нуждающихся, мелких преступников и нищих [Мюллер 2013: 905]. Такое переводческое решение «теряет» конкретику репрезентированной автором социально-исторической реалии, однако вписывается в выявленную выше тенденцию армянских переводчиков коннотировать мир Диккенса скорее в позитивном, оптимистичном ключе.

Расходясь в случае «рабочего дома», русский и армянский переводчики сходятся в передаче выражения *a brick and mortar elysium* как «рай из кирпича и известки» (Кривцова) или просто ‘рай’ (*դրախտավայր*) (Базарян). Употребляя именно *elysium*, а не *paradise* (Элизиум, или Елисейские поля в древнегреческой литературе — место последнего упокоения героических и чистых душ), Диккенс апеллирует к традиции античности, гораздо более активной в Великобритании [Hardwick, Stray 2008], по сравнению с Россией и Арменией. Делая выбор (возможно, с подачи русской переводчицы) в пользу христиански коннотированного *рая*, Кривцова и Базарян означивают общее для России и Армении «целевое» переводческое пространство — Восточную Европу (Евразию) — как культурный ареал, более восприимчивый к христианской, нежели к античной топике.

Следующий пример также оказывается связан с экстралингвистической реалией:

Oliver roused himself, and made his best obeisance. He had been wondering, with his eyes fixed on the **magistrates' powder**, whether all boards were born with **that white stuff** on their heads, and were boards from thenceforth on that account [Dickens 1866].

Оливер встрепенулся и отвесил почтительнейший поклон. Рассматривая **напудренные волосы судей**, он с недоумением размышлял о том, неужели все члены совета так и рождаются с этой **белой пылью** на голове и потому-то становятся сразу членами совета [Диккенс 1958а: 21].

Օլիվերը սթափվեց եւ հնարավորին չափ խոր գլուխ տվեց: Աչքերը անբթիթ համաձ նախաձորներին **պուդրայով հարդարած գլուխներին**, նա մտքում ինքն իրեն հարց էր տալիս, թե արդո՞ր հանձնաժողովի բոլո՞ր անդամները ծնվում են իրենց գլուխներին ունենալով այդ **սպիտակ փոշին**, եւ արդո՞ր ա՞յդ է պատճառը, որ նրանք հանձնաժողովի անդամ են դառնում: [Диккенс 1958б].

В данном случае имеем дело с остраниющим (в восприятии ребенка) описанием напудренных париков мировых судей, типичных для викторианской эпохи. Традиция ношения париков из конского волоса (в XVII–XIX вв. присыпанных белой пудрой) судьями и парламентариями сохранилась в англоязычном мире до наших дней. В России парик как аксессуар статской и военной службы, получив распространение при Петре I, упраздняется (благодаря инициативе князя Г.Потемкина) к концу XVIII в. [Богатырев 2018], в Армении же парик и вовсе не был в ходу. Данным обстоятельством — чуждостью парика как вестиментарного атрибута судебной системы культурному контексту России и Армении второй половины XIX–XX вв., времени интенсивной рецепции Диккенса — объясняется выбор переводческой стратегии русским и армянским переводчиками.

Если внимательно посмотреть на буквальный перевод ключевой фразы из выbranного отрывка: «Он размышлял, глядя на **пудру магистратов**, все ли судьи рождаются с **этим белым веществом** на голове», — становится очевидным, что автор апеллирует к фоновому знанию читателя, для которого «пудра магистратов (мировых судей. — Л. Г., Л. П.)» означает именно напудренный парик. В данной ситуации русскому и (ориентированному на него) армянскому переводчику придется прибегать к описательно-распространяющему варианту перевода. Выражение *magistrates' powder* представлено в русском переводе как «напудренные волосы судей», в армянском — выражением «պուդրայով հարդարած գլուխներ», которое аналогично русскому варианту. Выражение *white stuff on their heads* переводится Базаряном также как «белая пыль» — «սպիտակ փոշի»; соответственно, и здесь наблюдаем полное совпадение переводческих решений. В данном случае разъясняющий жест переводчиков, сигнализируя ассоциированность «пудры магистратов» именно с волосным покровом головы (а не с лицом, как можно было бы предположить), отчасти уводит семантику в сторону: буквальный смысл русского и армянского переводов таков, что читатель может подумать о пудренных натуральных волосах, а не о париках.

Заключение

Как мы пытались показать, метод культурного трансфера и близкородственные ему идеи «перевода как насилия» и «скопоса» оказываются продуктивными при анализе переводческой практики, как она сложилась в российской и армян-

ской культурах, само происхождение и становление которых тесно связано с феноменом перевода.

При сопоставительном анализе переводов диккенсовского текста, в сравнении с оригиналом, мы, действуя в рамках парадигмы культурного трансфера, сосредоточились на моментах передачи культурных реалий, сознательно отвлекаясь от разницы лексико-грамматического строя трех языков и их стилистики. Главный вывод, к которому побуждает проделанный микроанализ, можно было бы сформулировать следующим образом. Социокультурный контекст ранневикторианской Англии в его конкретике, как и показательная для британской литературы той поры топика (предпочтение «элизиума» «раю»), в достаточной и почти в равной мере чужд принимающему контексту России и Армении, артикулировавших собственный «коммуникативный запрос» на Диккенса и формировавших «репутационный фон» автора в существенно ином социокультурном и геополитическом узусе. Там, где для Диккенса как автора, пишущего для национального контекста, был важен действенный импульс конкретной социальной критики, направленной на юридически зафиксированную (новый закон о бедных) несправедливую общественную практику в рамках конкретного социального института (рабочий дом) [Davis 2007: 271–290], в российском и армянском узусе берет верх, в проекции на собственный национально-культурный контекст, акцентирование обобщенного социально-критического пафоса и реалистической референциальности (как в широком смысле «верность действительности», по Белинскому). Выявленные моменты приблизительности, абстрактности, а подчас и неточности, выливающиеся в моменты переводческой «узуральности», перевода семантически неравноценными или неэквивалентными средствами («напудренные волосы судей»), могут быть истолкованы как проявление (столь же неизбежного, сколь и необходимого) насилия языка перевода над языком оригинала. Мера этого насилия, как возможно предположить, определяется степенью «историко-геокультурного» отстояния целевой культуры от культуры исходной.

Российская и армянская переводческие рецепции выглядят во многом однотипными, в силу принадлежности к общему (дистанцированному от западноевропейского) восточноевропейскому (евразийскому) пространству и в силу традиционной прототипичности русских переводов для армянской переводческой традиции. В то же время действует фактор армянской национальной специфики, проявляющийся в том числе в повышении «градуса оптимизма» переводимых текстов — явления, для русских переводов менее показательного.

Источники

- Белинский 1842 — Белинский В. Г. «Оливер Твист», роман г-на Диккенса (Воз). *Отечественные записки*. 1842, 20 (2), отд. VI (Библиографическая хроника): 47.
- Белинский 2017 — Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. В кн.: Белинский В. Г. *Статьи о русской литературе. Избранное*. М.: Юрайт, 2017. С. 351–448.
- Брюсов 1963 — Брюсов В. *Об Армении и армянской культуре: стихи. Статьи. Письма*. Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1963.
- Диккенс 1958a — Диккенс Ч. *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 4: Приключения Оливера Твиста. А. В. Кривцова (пер. с англ.). М.: Гослитиздат, 1958.
- Dickens 1866 — Dickens Ch. *The Adventures of Oliver Twist*. London: Chapman and Hall; Boston: Ticknor and Fields. <https://gutenberg.org/cache/epub/730/pg730-images.html> (дата обращения: 27.01.2023).

Диккенс 19586 — Դիկկենս Չ. *Օլիվեր Թվիլսթի արկածները*. Թարգմ. անգլերենից Ա. Բազարյան, Ե.: Հայպետհրատ, 1958. https://grapaharan.org/Օլիվեր_Թվիլսթի_արկածները (дата обращения: 27.01.2023). (На арм. яз.)

Словари, справочники и учебные пособия

- Алексеева 2004 — Алексеева И. С. *Введение в переводоведение. Учеб. пособие для студ. филол. и лингв., фак. высш. учеб. заведений*. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та; М.: Академия, 2004.
- Армянско-русский словарь — *Армянско-русский словарь*. Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1987.
- Катарский 1962 — Катарский И. М. *Чарльз Диккенс: Библиогр. русских переводов и критич. литературы на рус. яз. 1838–1960*. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962.
- Мюллер 2013 — Мюллер В. *Полный англо-русский русско-английский словарь*. М.: Эксмо, 2013.

Литература

- Арутюнян 2016 — Арутюнян А. Армянское искусство в публикациях журнала «Базмавеп». *Вестник СПбГУКИ*. 2016, 4 (29): 94–97.
- Бадя 2008 — Бадя Л. В. *Отечественный опыт преодоления бедности методами трудовой помощи (XVIII — начало XX вв.)*. М.: Сотис, 2008.
- Бахман-Медик 2017 — Бахман-Медик Д. *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. Ташкенов С. (пер. с нем.). М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Богатырев 2018 — Богатырев А. В. Западное влияние в России в XVII — начале XVIII в.: к истории парика. *Гуманитарные исследования Центральной России*. 2018, 4 (9): 10–17.
- Воробьев, Злобин 2003 — Воробьев Ю. К., Злобин А. Н. Культурологический подход к переводу. *Интеграция образования*. 2003, (3): 166–174.
- Долотова 2022 — Долотова Т. Аннотации к переводам: «Оливер Твист» Чарльза Диккенса. Подробно об английской классике, изданной по-русски. <https://gorky.media/context/annotatsii-k-revevodam-oliver-tvist-charlza-dikkensa/> (дата обращения: 27.01.2023).
- Карагезян 2010 — Карагезян Г. *Роль армян в трансмиссии культур*. Ереван: Авторское издание, 2010.
- Катарский 1966 — Катарский И. М. *Диккенс в России. Середина XIX в.* М.: Наука, 1966.
- Кашкин 1977 — Кашкин И. *Для читателя-современника. Статьи и исследования*. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1977.
- Кононова 2018 — Кононова Т. Л. И. И. Введенский — переводчик романов Ч. Диккенса. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2018, 3 (30): 75–82.
- Костионова 2014 — Костионова М. В. Перевод как фактор формирования литературной репутации писателя (на материале ранних русских переводов романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»). *Вестник Московского университета*. Сер. 22. Теория перевода. 2014, (1): 127–142.
- Костионова 2015 — Костионова М. В. *Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Левин 1966 — Левин Ю. *Русский Диккенс. Вопросы литературы*. 1966, (9): 224–228.
- Леонтьев 2003 — Леонтьев М. В. *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. М.: Смысл, 2003.
- Любимов 1977 — Любимов Н. М. *Перевод — искусство*. М.: Советская Россия, 1977.
- Морозова, Жаткин 2018 — Морозова С. Н., Жаткин Д. Н. К. И. Чуковский о специфике переводческого восприятия произведений Чарльза Диккенса в России. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2018, 7 (3): 92–97.
- Попович 1980 — Попович А. *Проблемы художественного перевода*. М.: Высшая школа, 1980.
- Сафразбекян 1976 — Сафразбекян И. *Ованес Туманян и мировая литература*. Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1976.
- Сорокин 1989 — Сорокин Ю. А. Перевод как специфический вид речевой деятельности. В сб.: *Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология*. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. С. 24–28.

- Тер-Мовсесян 1902 — Тер-Мовсесян М. *История перевода Библии на армянский язык*. СПб.: Пушкинская скоропечатня № 4, 1902.
- Фокин 2021 — Фокин С. Л. Перевод как проблема сравнительного литературоведения и сравнительной антропологии. В сб.: *Литературная компаративистика. Антология*. Шайтанов И. О. (отв. ред.). Т. 1. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2021. С. 297–311.
- Чуковский 2015 — Чуковский К. И. *Высокое искусство: принципы художественного перевода*. СПб.: Азбука, 2015.
- Эспань 2018 — Эспань М. *История цивилизаций как культурный трансфер*. Дмитриева Е. Е. (пер. с фр., ред.). М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Davis 2007 — Davis P. *Critical Companion to Charles Dickens. A Literary Reference to His Life and Work*. New York: Facts on File Inc, 2007.
- Hardwick, Stray 2008 — Hardwick L., Stray Ch. *A companion to classical receptions*. Malden, MA; Oxford: Blackwell, 2008.
- Long 2019 — Long W. F. Early Figurative Allusions to Oliver Twist. *Dickens Quarterly*. 2019, 36 (2): 136–155.
- Richardson 2012 — Richardson R. *Dickens & The Workhouse. "Oliver Twist" & the London Poor*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012.
- Richardson 2015 — Richardson R. The Subterranean Topography of "Oliver Twist". *Dickens Quarterly*. 2015, 32 (4): 293–312.
- Арцруни 1904 — Արժրունի Գ. *Աշխատություններ*. Հ. I, Թիֆլիս, 1904. (На арм. яз.)
- Егиазарян 1977 — Եղիազարյան Ա. *Փեղարվեստական թարգմանությունը և ժողովուրդների մերձեցումը*. Ե.: Հայկական ՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1977. (На арм. яз.)
- История армянской диаспоры — *Հայ գաղթաշխարհի պատմություն (միջնադարից մինչև 1920-ական թթ.)*, հատոր II, Երևան: պատմության ինստիտուտ, ՀՀ ԳԱԱ, 2013. (На арм. яз.)
- Паргамян 1975 — Փարթամյան Վ. *Հայ-անգլիական գրական առնչություններ*. Ե.: Հայկական ՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1975. (На арм. яз.)

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2023 г.

Статья рекомендована к печати 15 мая 2023 г.

Luiza A. Gasparyan

Institute of Literature named after M. Abeghyan
of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
15, ul. G. Lusavorich, Yerevan, 0015, Armenia
luisa.gasparyan83@gmail.com

Larisa N. Poluboyarinova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
l.poluboyarinova@spbu.ru

Peculiarity of cultural transfer in literary translation (on the material of the Russian and Armenian translations of the British classic literature)

For citation: Gasparyan L. A., Poluboyarinova L. N. Peculiarity of cultural transfer in literary translation (on the material of the Russian and Armenian translations of the British classic literature). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (3): 462–480.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.304> (In Russian)

The article is the first attempt to analyze in a comparative way the situation of the transfer of British literary classics to Russia and Armenia in the 19th–20th centuries on the basis of the Armenian and Russian translations of Dickens' novel "The Adventures of Oliver Twist". The article outlines the range of issues related to the study of the specifics of artistic translation in

the light of the paradigm of cultural transfer. The idea of “translation as violence” and the concept of translation “skopos” are analyzed as closely related to the paradigm of cultural transfer. The Armenian national culture is characterized as predominantly focused on cultural transfer and the phenomenon of translation. The article sketches the situation of “counter-movement”, which was favorable to the active reception of Dickens’s heritage in Armenia in the late 19th century as a “classic”. This favorably influenced the “intermediary” role of Russian translations in Armenia. The conclusion is made that the socio-cultural context of early Victorian England in its specificity, as well as the topicality, are rather and almost equally alien to the host context of Russia and Armenia, which articulated their own “communication request” for Dickens and formed the “reputational background” of the author in a significantly different socio-cultural and geopolitical usus. At the same time, there is the factor of Armenian national specificity, which manifests itself, among other things, in the increase in the “degree of optimism” of the translated texts, a phenomenon that is less indicative for the Russian translations.

Keywords: Ch. Dickens, cultural transfer, “skopos”, Russian and Armenian translations.

References

- Арутюнян 2016 — Arutiunian A. Armenian art in publications of “Basmavep” magazine. *Vestnik SPbGUKI*. 2016, 4 (29): 94–97. (In Russian)
- Бадя 2008 — Badia L. V. *Domestic experience of overcoming poverty by the methods of labor assistance (18th — early 20th centuries)*. Moscow: Sotis Publ., 2008. (In Russian)
- Бахман-Медик 2017 — Bahman-Medik D. *Cultural turns. New landmarks in the sciences of culture*. Tashkenov S. (transl. from German). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (In Russian)
- Богатырев 2018 — Bogatyrev A. V. Western influence in Russia in the 17th — early 18th centuries: to the history of the wig. *Gumanitarnye issledovaniia Tsentral'noi Rossii*. 2018, 4 (9): 10–17. (In Russian)
- Воробьев, Злобин 2003 — Vorob'ev Ju. K., Zlobin A. N. Cultural approach to translation. *Integratsiia obrazovaniia*. 2003, (3): 166–174. (In Russian)
- Долотова 2022 — Dolotova T. Annotations to translations: “Oliver Twist” by Charles Dickens. Details on the English classics published in Russian. <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-oliver-twist-charlza-dikkensa/> (accessed: 27.01.2023).
- Карагезян 2010 — Karagezian G. *The role of Armenians in culture transmission*. Yerevan: Avtorskoe izdanie Publ., 2010. (In Russian)
- Катарский 1966 — Katarskij I. M. *Dickens in Russia. Mid 19th century*. Moscow: Nauka Publ., 1966. (In Russian)
- Кашкин 1977 — Kashkin I. *For the contemporary reader. Articles and research*. 2nd ed. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1977. (In Russian)
- Кононова 2018 — Кононова Т. Л. I. I. Vvedensky is a translator of novels by C. Dickens. *Teoriia iazyka i mezhhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2018, 3 (30): 75–82. (In Russian)
- Костионова 2014 — Kostionova M. V. Translation as a Factor in the Formation of a Writer’s Literary Reputation (based on early Russian translations of Ch. Dickens novel “The Posthumous Papers of the Pickwick Club”). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriia perevoda*. 2014, (1): 127–142. (In Russian)
- Костионова 2015 — Kostionova M. V. The literary reputation of the writer in Russia: translation as a reflection and a factor of formation (Russian translations of Ch. Dickens Novel “The Posthumous Papers of the Pickwick Club”). Abstract of PhD Thesis in Philological Sciences. Moscow, 2015. (In Russian)
- Левин 1966 — Levin Iu. Russian Dickens. *Voprosy literatury*. 1966, (9): 224–228. (In Russian)
- Леонтьев 2003 — Leont'ev M. V. *The psychology of significance*. Moscow: Smysl Publ., 2003. (In Russian)
- Любимов 1977 — Liubimov N. M. *The art of translation*. Moscow: Sovetskaia Rossiia Publ., 1977. (In Russian)
- Морозова, Жаткин 2018 — Morozova S. N., Zhatkin D. N. K. I. Chukovsky on the peculiarities of the translation perception of the works of Charles Dickens in Russia. *Baltiiskii humanitarnyi zhurnal*. 2018, 7 (3): 92–97. (In Russian)

- Попович 1980 — Popovich A. *The problem of literary translation*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1980. (In Russian)
- Сафразбекян 1976 — Safrazbekian I. *Hovhannes Tumanyan and the world literature*. Yerevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armianskoi SSR Publ., 1976. (In Russian)
- Сорокин 1989 — Sorokin Y. Translation as a specific way of communicative act. In: *Perevod kak protsess i kak rezul'tat: iazyk, kul'tura, psikhologiya*. Kalinin: Kalininskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1989. P. 24–28. (In Russian)
- Тер-Мовсесян 1902 — Ter-Movsesian M. *The history of Bible translation in Armenian*. St Petersburg: Pushkinskaia skoropechatnia No. 4 Publ., 1902. (In Russian)
- Фокин 2021 — Fokin S. L. Translation as a problem of comparative literary criticism and comparative anthropology. In: *Literaturnaia komparativistika. Antologiya*. Shajtanov I. O. (ed.). Vol. I. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2021. P. 297–311. (In Russian)
- Чуковский 2015 — Chukovskii K. I. *High art: principles of literary translation*. St Peterburg: Azbuka Publ., 2015. (In Russian)
- Эспань 2018 — Espagne M. L. *Histoire de l'art comme transfert culturel*. Dmitrieva E. E. (transl. from French, ed.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. (In Russian)
- Davis 2007 — Davis P. *Critical Companion to Charles Dickens. A Literary Reference to His Life and Work*. New York: Facts on File Inc, 2007.
- Hardwick, Stray 2008 — Hardwick L., Stray Ch. *A companion to classical receptions*. Malden; Oxford: Blackwell, 2008.
- Long 2019 — Long W. F. Early Figurative Allusions to Oliver Twist. *Dickens Quarterly*. 2019, 36 (2): 136–155.
- Richardson 2012 — Richardson R. *Dickens & The Workhouse. "Oliver Twist" & the London Poor*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012.
- Richardson 2015 — Richardson R. The Subterranean Topography of "Oliver Twist". *Dickens Quarterly*. 2015, 32 (4): 293–312.
- Арцруни 1904 — Arc'rowni G. *The essays and research works*. Vol. I. Tiflis, 1904. (In Armenian)
- Егиазарян 1977 — Eghiazaryan A. *Literary translation and the interconnection of nations*. Yerevan: Haykakan SSH GA Hratarakch'ut'yun Publ., 1977. (In Armenian)
- История армянской диаспоры — *History of the Armenian diaspora (from the Middle Ages to the 1920s)*. Vol. II. Yerevan: Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, 2013. (In Armenian)
- Партамян 1975 — P'art'amyun V. *English-Armenian literary connections*. Yerevan: Haykakan SSH GA Hratarakch'ut'yun Publ., 1975. (In Armenian)

Received: February 1, 2023

Accepted: May 15, 2023